

Л и т е р а т у р а :

1. *Огиенко И. И.* Иноземные элементы в русском языке / И. И. Огиенко. – К., 1915. – 198 с.
2. *Гольцекер Ю. П.* К вопросу о методах передачи идиоматических выражений в переводах с близкородственных языков / Ю. П. Гольцекер // Вопросы фразеологии. – Вып. 4. – Самарканд : Изд-во СамГУ, 1971. – С. 69–81.
3. *Влахов С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Международные отношения, 1986. – 362 с.
4. *Рахштейн А. Д.* Сопоставительный анализ немецко-русской фразеологии / А. Д. Рахштейн. – М. : Высшая школа, 1980. – 144 с.
5. *Mokienko V.* Russische Phraseologie für Deutsche : Lehrmaterial für Studenten der Slawistik / V. Mokienko, T. Malinski, L. Stepanova, H. Walter. – Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2004. – 145 с.

Григораши А. М. *Принципиальная непереваемость украинских реалий на русский язык (на материале русскоязычной прессы Украины).*

В соответствии с современными культурологическими исследованиями считаем перевод актом не только межъязыковой, но и культурной коммуникации. В статье рассматриваются известные классификации эквивалентов украинских и российских реалий. Особое внимание уделяется проблеме принципиальной непереваемости украинских реалий в современной русскоязычной прессы Украины.

Ключевые слова: *перевод, коммуникация, эквивалент, принципиальная непереваемость, современная русскоязычная прессы Украины.*

Grygorash A. M. *Principle untranslatable Ukrainian notions in the Russian press of Ukraine.*

The present cultural approach towards translation shows that the process of translation is not only the interaction of languages, but also the interaction of cultures. The article deals with the certain classifications of equivalents of the Ukrainian and Russian languages. Particular attention spares to the problem of principle untranslatable Ukrainian notions in the Russian press of Ukraine.

Keywords: *translation, communication, equivalent, principle untranslatable, modern Russian press of Ukraine.*

Л. П. Иванова
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

ФРАНЦИЯ И ФРАНЦУЗЫ В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье в рамках нового направления лингвистики лингвоимагологии анализируется видение Франции и французов русскими писателями: 1) французские писатели и французская литература; 2) события и личности, сыгравшие роль в русско-французских отношениях; 3) французы и французский язык; 4) Париж, Версаль.

Ключевые слова: *лингвоимагологический анализ, русские, Франция, французы.*

Россию и Францию на протяжении всего существования наших стран связывали сложные и разнообразные отношения: от войн, в которых мы были союзниками и противниками, до ознакомления с жизнью друг друга, многочисленных и разнообразных контактов. Отдали дань изучению указанных процессов ученые-филологи.

Мы обратились к созданию лингвоимагологии – науки, изучающей языковые аспекты создания имиджа (отсюда термин), образа одного народа или страны в сознании другого народа.

Обратим внимание еще на один важный фактор лингвоимагологического анализа Франции и французов: в русском языковом сознании на протяжении практически двух веков (XVIII–XIX) французский был родным, языком общения – устного и письменного – русского дворянства. Наши соотечественники писали о Франции и французах в путевых заметках, письмах, публицистических и художественных текстах. Для широты охвата рассматриваемой проблемы мы обратились к очень разным авторам: кн. Е. Р. Дашковой [4], Н. М. Карамзину [6], А. С. Пушкину [7, 8], Н. В. Гоголю [1], Н. С. Гумилеву [3]. Сформировался следующий круг описания, построенный по тематическому принципу: французские писатели и французская литература в целом; Франция и Париж, Версаль; французы и французский язык; события и личности Франции, сыгравшие роль в русско-французских отношениях.

Подчеркнем, что уже в XVIII в. в сознании русских образованных людей сложилось твердое мнение: “...непростительно грубо и несправедливо судить об одномъ народѣ по мѣркѣ другого” [4, с. 344]. С другой стороны, тесные контакты наших стран нашли свое отражение, в частности, в романе А. С. Пушкина “Евгений Онегин” – “энциклопедии русской жизни” (В. Г. Белинский): среди 46 иностранных имен, упомянутых в романе, наиболее употребительны французские – 16 писателей, ученых и даже мастер-оружейник Лепаж: Бель, Биш, Дюпен, Корнель, Малфилатр, Матюрин, Нодье, Парни, Расин, Руссо, де Сталь, Тиссо, Фонтенель, Шамфор, Шатобриан [5, с. 51–52; 5, с. 55–56].

Рассмотрим анализируемые тексты в соответствии с выделенными группами (перечень построен по степени актуальности, распространенности у каждого автора).

1. Французские писатели и французская литература в целом

О французских писателях чаще всего говорил Н. М. Карамзин. Русский писатель-путешественник с восхищением обращается к Руссо: *Я чту великие твои дарования, красноречивый Руссо! Уважаю истины, открытые тобою современникам и потомству, – истины, отныне неизгладимые на досках нашего познания, – люблю тебя за доброе твое сердце, за любовь твою к*

человечеству; но признаю мечты твои мечтами, парадоксы – парадоксами [6, с. 44].

Не менее эмоционально Н. М. Карамзин пишет о том, с чем он не согласен, пытаясь выяснить причины: *Руссо пишет о науках, об искусствах, не сказав, что суть науки, что искусства правда, если бы он определил их справедливо, то все главные идеи трактата его поднялись бы на воздух и рассеялись в дыме как пустые фантомы и чада химеры: то есть трактат его остался бы в туманной области небытия, – а Жан-Жаку непременно хотелось бранить ученость и просвещение. Для чего же? Может быть, для странности; для того, чтобы удивить людей и показать свое отменное остроумие: суетность, которая бывает слабостию и самых великих умов!* [6, с. 45].

В итоге, восхищаясь и порицая, Н. М. Карамзин обращается к Руссо как к живому человеку: *Руссо! Руссо! Память твоя теперь любезна человекам; ты умер, но дух твой живет в “Эмиле”, но сердце твое живет в “Элоизе” – и ты восставал против наук, против словесности! И ты проповедовал счастье невежества, славил бессмыслие, блаженство зверской жизни! Ибо что иное, как не зверь, есть тот человек, который живет только для удовлетворения своим физическим потребностям? Неужели скажут нам, что он, удовлетворяя сим потребностям, спокоен и счастлив? Ах нет!* [6, с. 56]. Восклицательные предложения, параллельные синтаксические конструкции передают накал страстей автора. Ему горько, если кто-то критикует Руссо: *Дидерот, всегда пылкий, но не всегда основательный, сказал, что один злой человек любит удаляться от людей, – сказал для того, что хотел оскорбить Жан-Жака* [6, с. 122].

Вывод из размышлений: *Отчего Жан-Жак Руссо нравится нам со всеми своими слабостями и заблуждениями? Отчего любим мы читать его и тогда, когда он мечтает или запутывается в противоречиях? – Оттого, что в самых его заблуждениях сверкают искры страстного человеколюбия; оттого, что самые слабости его показывают некоторое добродушие* [6, с. 62].

В соответствии с заложенной Н. М. Карамзиным традицией, утраченной в наши дни, как о живых людях о французских писателях говорит Н. С. Гумилев: *Ты ли не опытен в пьяном деле, Вечно румяный мэтр Рабле? Грузный, как бочки вин токайских, Мудрость свою прикрой плащом...* [3, с. 137]. Несмотря на то, что французский язык, французская культура пронизывали всю жизнь русского общества, А. С. Пушкин судит французских писателей довольно строго: *Всем известно, что французы народ самый антипоэтический. Лучшие писатели их, славнейшие представители сего остроумного и положительного народа, Montaigne, Voltaire, Montesquieu, Лагарп и сам Руссо, доказали, сколь чувство изящного*

было для них чуждо и непонятно” [7, с. 375]. В 1822 г. в письме из Кишинева Гнедичу Пушкин назвал французскую поэзию “робкой и жеманной [7, с. 447].

Подытоживая сказанное, приведем мнение А. С. Пушкина о степени влияния французской литературы на русскую: “Французская словесность, со времен Кантемира имевшая всегда прямое или косвенное влияние на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и в нашу эпоху. Но ныне влияние ее было слабо. Оно ограничивалось переводами и кой-какими подражаниями, не имевшими большого успеха...Поэзия осталась чужда влиянию французскому; она более и более дружится с поэзией германскою и гордо сохранит свою независимость от вкусов и требований публики” [7, с. 138-139].

II. Французы и французский язык

Е. Р. Дашкова приводит высказывание желчного Дидро о своих соотечественниках: *...думаемъ и дѣйствуемъ подѣ вліяніемъ минутныхъ впечатлений; нашего легкомыслія не исправляетъ ни старость, ни продолжительные опыты жизни* [4, с. 114].

О легкомыслии французов пишет и Н. М. Карамзин, с большой симпатией сопоставляя их особенности с немцами и англичанами: *Действительно, это самая остроумная, самая чувствительная и самая легкомысленная нация. Все общественные качества и все движения, порождаемые этими качествами, достигают у них высшей точки совершенства. Здесь все улыбаются вам; это улыбка вежливости, которой мы напрасно пытались бы подражать и которая у немцев и англичан превращается в неприятную аффектацию (чтобы не сказать “гримасу”), улыбка эта так естественна, так изящна у любезных французов ... Та легкость, то непостоянство, в которых их справедливо обвиняют и которые можно смело отнести к недостаткам их характера, искупаются прекрасными качествами души, связанными с этими же недостатками. Француз непостоянен, но он зато и незлопамятен; его утомляет как восхищение, так и ненависть, он взбаломошный и часто меняет одно благо на другое, сам первый смеется над своими ошибками и даже, если нужно, плачет над ними. Веселье и бездумье – приятные спутники его жизни; смешной каламбур радует его не меньше, чем скупого англичанина – открытие нового острова, ибо англичанин рассматривает весь свет и всех людей как объект спекуляции на лондонской бирже. Чувствительный до крайности, француз становится пламенным любовником истины, славы, всего, что есть прекрасного и великого; но любовники ветрены. Увлечение, энтузиазм, порыв злобы могут увлечь его к ужасным крайностям: крайности революции служат тому свидетельством* [6, с. 97].

Роль французских писателей в формировании литературного языка неопределима, русский язык заметно отстал от французского. Н. М. Карамзин с горечью подчеркивал: *Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладеть духом языка своего? Вольтер сказал справедливо, что в шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. Нам, русским, еще более труда, нежели другим. Француз, прочитав Монтезя, Паскаля, пять или шесть авторов века Людовика XIV, Вольтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля, можно совершенно узнать язык свой во всех формах: но мы, прочитав множество церковных и светских книг, соберем только материал или словесное богатство языка, которое ожидает души и красот от художника. Истинных писателей было у нас еще так мало, что они не успели дать нам образцов во многих родах; не успели обогатить слов тонкими идеями; не показали, как надобно выражать приятно некоторые, даже обыкновенные мысли... Тут новая беда: в лучших домах говорят у нас более по-французски!.. Одним словом, французский язык весь в книгах (со всеми красками и тенями, как в живописных картинах), а русский только отчасти; французы пишут как говорят, а русские обо многих предметах должны еще говорить так, как пишет человек с талантом [6, с. 124].*

Однако Н. М. Карамзин уверен в том, что русский народ догонит на пути цивилизации другие народы: *...итак, французская нация прошла все стадии цивилизации, чтобы достигнуть нынешнего состояния. Сравнивая ее медлительное шествие со стремительным движением нашего народа в направлении той же цели, начинаешь верить в чудеса; поражаешься мощи созидательного гения, который вырвал русскую нацию из летаргического сна, в каковой она была погружена, и с такой силой двинул ее по пути просвещения, что через малое количество лет мы оказались в одном ряду с народами, начавшими движение за много веков до нас [6, с. 95].*

III. События и личности Франции, сыгравшие роль в русско-французских отношениях

В проанализированных нами текстах в данную рубрику входят французская революция и Наполеон.

Французскую революцию резко отрицательно характеризовала Е. Р. Дашкова: *...въ періодъ Французской революціи, въ эту эпоху озлобленія, борьбы партій и цинизма, когда люди говорили, писали и дѣлали подѣ влияніемъ бурныхъ страстей” [4, с. 151].* Наполеон – личность сложная и противоречивая, бередившая сознание наших соотечественников в XIX в., что нашло отражение в “Евгении Онегине” А. С. Пушкина. В творческом сознании автора Наполеон соотносится с Д. Г. Байроном. Обратимся к описанию кабинета Онегина: *И лорда Байрона портрет, И столбик с куклою чугуной Под шляпой с пасмурным челом, С руками, сжатыми крестом*

[8, с. 148]. Вне всякого сомнения, упоминается статуэтка Наполеона, так как автор обращает внимание на две ключевых и ставших традиционными детали портрета – треугольная шляпа и поза. Байрон и Наполеон – личности сильные, но взаимоисключающие: Байрон боролся за свободу и умер за нее, а Наполеон был узурпатором и завоевателем. Наличие их в кабинете свидетельствует о противоречивости характера его хозяина. Тем не менее и Байрон, и Наполеон были “властителями дум” своей эпохи. Этот факт отразился в блестящем стихотворении А. С. Пушкина “К морю”, написанном в 1824 г. в Михайловском: *Одна скала гробница славы... Там погружались в хладный сон Воспоминанья величавы; Там угасал Наполеон, Там он почил среди мучений, И вслед за ним, как бури шум, Другой от нас умчался гений, Другой властитель наших дум. Исчез, оплаканный свободой, Оставляя миру свой венец. Шумы, волнуя непогодой: Он был, о море, твой певец. Твой образ был на нем означен, Он духом создан был твоим: Как ты, могуч, глубок и мрачен, Как ты, ничем неукротим. Мир опустел.*

IV. Франция, Париж, Версаль

О Париже писали Н. М. Карамзин и Н. В. Гоголь.

Русский путешественник, по словам Н. М. Карамзина, *...ошеломлен видом самого большого и самого шумного города в мире... В прелестном Булонском лесу, сидя под сению деревьев, один среди оленей, которые бегают и резвятся вокруг него...* [6, с. 95].

Н. В. Гоголь видит, с одной стороны, внешнюю, а с другой – внутреннюю жизнь Парижа: *Париж не так дурен, как я воображал, и, что всего лучше для меня, мест для гулянья множество: одного сада Тюльери и Елисейских Полей достаточно на весь день ходьбы* [1, с. 239].

Здесь все политика, в каждом переулке и переулочке библиотека с журналами. Остановишься на улице чистить сапоги, тебе суют в руки журнал; в нужнике дают журнал. Об делах Испании больше всякий хлопочет, нежели о своих собственных [1, с. 243–244].

Очень интересен взгляд статс-дамы Е. Р. Дашковой на быт королевского Версаля: *Уполномоченный проводил насъ до дверей Версальскаго сада, куда мы вошли и гуляли до самаго обѣда. Около этого времени, король съ своимъ семействомъ обѣдалъ въ общественномъ мѣстѣ. Мы замѣшались въ толпу, состоявшую впрочемъ изъ лучшаго общества и вмѣстѣ съ ней очутились въ сальной и оборванной комнатѣ: сюда скоро явился Людовикъ XV, дофинъ и дофина, потомъ двѣ другія его дочери Аделаида и Викторія; сѣли за столъ и кушали съ большимъ аппетитомъ ... принцесса Аделаида пила супъ изъ чаши* [4, с. 115–116].

Кн. Е. Р. Дашкова – женщина яркого и оригинального ума – умела увидеть главное, описав его ярко и своеобразно. В этом плане чрезвычайно поучительно ее наставление сыну о том, на что он должен обратить внимание

во время путешествий [4, с. 341–345]. Оказывается, двор императрицы Екатерины II не уступал Версалью, а кн. Е. Р. Дашкова в своих наблюдениях проявляла огромное самоуважение: “...как статс-дама Русской императрицы, я не хотела унижать чести своего двора и моего очень видного положения при нем, явившись в Версаль на заднем плане” [4, с. 48].

Говоря о Франции в целом, обратимся к стихотворению Н. С. Гумилева, отразившему настроения русского общества определенного периода: *О Франция, ты призрак сна, Ты только образ вечно милый, Ты только слабая жена Народов грубости и силы. Когда примчалась война С железной тучей иноземцев, То ты была покорена И ты была в плену у немцев. Где пел Гюго, где жил Вольтер, Страдал Бодлер, богов товарищ, Там не посмеет изувер Плясать на зареве пожарищ. Твоя война – для нас война. Покинь же сумрачные станы – Чтоб песней, звонкой как струна, Целить запекшиеся раны. Что значит в битве алость губ? Ты только сказка, отойди же. Лишь через наш холодный труп Пройдут враги, чтоб быть в Париже* [3, с. 335–336].

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Французская культура благодаря распространенности французского языка в образованном русском обществе тесно переплелась с русской культурой.

Русские люди путешествовали по Франции, писали о том, что видели, и оценивали его, все это явилось базой лингвоимагологического анализа.

Русские авторы продемонстрировали доброжелательное внимание, лишнее, с одной стороны, униженного восхищения, с другой – национального самолюбования. Оценивая характер французов, из традиционного легкомыслия выводят многочисленные достоинства. Близость менталитета, обусловленная языком, погруженность во французскую культуру приводят к жертвенности во имя защиты Франции во время Первой мировой войны (Н. С. Гумилев).

Следовательно, лингвоимагологический анализ открывает новые горизонты для изучения взаимоотношений разных народов на различных этапах их взаимодействия, что позволяет, избежав ошибок прошлого, строить безоблачное будущее.

Л и т е р а т у р а :

1. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 6. Избранные статьи и письма / Н. В. Гоголь – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1950. – 359 с.
2. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.
3. *Гумилев Н. С.* Стихи. Письма о русской поэзии / Н. С. Гумилев. – М. : Художественная литература, 1990. – 447 с.

4. Записки княгини Е. Р. Дашковой. Репринтное воспроизведение. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. – М : Наука, 1990. – 528 с.
5. *Иванова Л. П.* Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А. С. Пушкина “Евгений Онегин”) / Л. П. Иванова. – К. : Освита України, 2006. – 140 с.
6. *Карамзин Н. М.* Сочинения : в 2 т. – Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из “Истории государства Российского” / сост. Г. П. Макагоненко ; коммент. Г. П. Макагоненко. – М. : Художественная литература, 1984. – 456 с.
7. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений : в 10-ти т. / А. С. Пушкин. – Т. VI. Критика и публицистика. – М., 1962. – 590 с.
8. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин // Собрание сочинений : в 10-ти т. / А. С. Пушкин. – Т. V. – М., 1964. – С. 7–213.

Иванова Л. П. **Франція і французи у сприйнятті російських письменників (лінгвоімагологічний аспект).**

У статті в рамках нового напрямку лінгвістики лінгвоімагології аналізується бачення Франції і французів російськими письменниками: 1) французькі письменники і французька література; 2) події та особистості, які зіграли роль у російсько-французьких відносинах; 3) французи і французька мова; 4) Париж, Версаль.

Ключові слова: лінгвоімагологічний аналіз, росіяни, Франція, французи.

Ivanova L. P. **France and Frenchmen in perception of the Russian writers (lingvoimagological aspect).**

In the article a vision of France and Frenchmen by Russian writers is analyzed from the point of view of a new direction of linguistics – lingvoimagology: 1) French writers and French literature; 2) events and the persons who played a role in the Russian-French relations; 3) French and the French language; 4) Paris, Versailles.

Keywords: lingvoimagological analysis, Russians, France, Frenchmen.

Н. М. Кувшинова
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ НЕМЕЦКИХ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ ПО СРАВНЕНИЮ С РУССКИМИ

В статье проанализировано состояние проблемы изучения фонетики немецкого языка, определена специфика реализации и функционирования вокалической системы произносительного стандарта согласных звуков немецкого языка по сравнению с русским. Представлен анализ, который позволил автору продемонстрировать широкий спектр фонетических процессов. Проведенное исследование базируется на фактических данных, полученных разными лингвистами, и результатах собственных наблюдений автора.

Ключевые слова: согласный звук, органы речи, речевой аппарат, твердый приступ, буквосочетание, дифтонг.